

Олег Сергеев

Йошкар-Ола

Лексическая синонимия в церковно-богослужебной литературе марийского языка

В истории финно-угорских народов России зарождение современной письменности главным образом связано с XVIII веком. Именно в этот период начинается фиксация отдельных лексических единиц и сочетаний слов на бумагу. Мизерное количество слов, отдельные тексты даже напечатаны в отечественных и зарубежных изданиях. Первой книгой, где зафиксированы марийские материалы, считается книга *Atlantica sive Manheim*, содержащая 14 лексем в переводе на шведский язык. Она вышла в свет в 1698 г. в Упсале (см.: Stipa 1981, 27–39; Сергеев 2005, 189). В XIX веке с распространением христианства, с развитием финно-угорской компаративистики, у истоков которой стоял А. Й. Шёгрэн, с открытием Переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия выпуск книг постепенно увеличивается.

По качеству перевода церковно-богослужебную марийскую литературу можно подразделить на две части. В первую входят те книги, которые переведены в основном не марийцами, но владеющими в той или иной степени марийским языком. Вторую часть составляет литература, в переводе которой принимали активное участие коренные марийцы. Она связана с деятельностью Переводческой комиссии при Братстве святителя Гурия. Последние существенным образом отличаются от литературы первого периода. Авторы первых переводов шли по пути дословного перевода языка оригинала, старались ни в малейшей степени не отступать от чистоты священного языка оригинальных текстов церковных книг. Поэтому их язык был трудным, наблюдаются расхождения с грамматическими нормами марийского языка, зародился характерный для той эпохи своеобразный синтаксис. Язык миссионерской литературы периода переводческой комиссии значительно отличается. В первую очередь переводчики пытались избегать буквального или дословного перевода русских оборотов речи на марийский язык. Их усилия были направлены на то, чтобы самым понятным и доступным образом для простого читателя выразить по-марийски переводимый с русского языка текст, в том числе и специфические, и идиоматические выражения. Многие переводимые произведения

проверял сам, хорошо знающий «инородческие» языки, Н. И. Ильминский. Как отмечает П. Знаменский «сильный филологический талант помогал ему быстро охватывать особенности — языков, — к началу 1870-х годов он был в состоянии понимать и ценить достоинства и недостатки переводов не только на чувашский язык, — но и на языки *черемисский* и *вотяцкий*» (Знаменский 1892, 279).

Препятствием в переводческой деятельности было отсутствие нормированного языка и наличие множества диалектов в марийском языке. Переводчики также знали то, что в пределах одного диалекта существуют разные говоры или подговоры. В связи с этим возникал вопрос: слово какого говора/подговора использовать в переводе лексической единицы оригинала? Касаясь этой проблемы, член переводческой комиссии марийский просветитель Гавриил Яковлев в одном из своих писем (148-ое письмо. — О.С.) информировал Н. И. Ильминского: «[— —] Никак не возможно сделать перевод по все местным словам для луговых черемис: в иных местах переменяются некоторые слова, в других местах переменяются толь некоторые звуки, например: *заповедалъ 'повылемъ'* или *приказал* у нас говорят *шюдэн* и *кюштэн*, в других местах в Царевококшайском же уезде *кюштэнъ* не понимают, только *шюдэнъ*; Уфимской и Пермской губерниях, Царевококшайском уезде и Вятской губернии некоторых местах *шюдэнъ* не понимают, а только *кюштэнъ* —. *Крестить* у нас говорят *тўшка пурташь* и *кресташь*, в Уфимской и Пермской губерниях и Вятской губернии *крестить* говорят *чõкныкташь*. *Бил* и *бьет* у нас говорят *крень*, *кра*, в иных местах *шинъ* или *шизшь*» (ф. 968, оп. 1, ед.хр. 168). Таким образом, чтобы церковно-миссионерская литература на родном языке была понятна представителям разных диалектов, переводчики осознанно вводили в текст синонимические слова из других говоров. В основном близкие или тождественные по значению слова даны рядом с основной лексической единицей в скобках¹, варианты отдельных слов указаны внизу текста в ссылках. Наиболее богато синонимы представлены в таких частях речи, как:

- а) имя существительное. Имена существительные кроме основной формы встречаются в разных морфологических категориях. Наиболее богато представлена падежная форма, ср., например: *курум*, *ўмыр* (1874, 99), где *курум* 'век'², а *ўмыр* 'век, жизнь', *суась*, *татаръ* 'татарин', *шырчык*, *саранча* (1884 II, 12, 61) 'саранча', *тўня*, *сандалык* (1884 I, 15), где *тўня* 'мир, вселенная, свет', а *сандалык* 'мир, вселенная; страна', *толкын*, *онгы* (1885, 219), где *толкын* 'волна', а *онго* 'круг', *лэваш*, *омаш* (1912, 37), где *лэваш* 'навес, сарай', а *омаш* 'шалаш' — именительный падеж; *мытарь-шамычон*, *йозак*

1. Аналогичное было и в переводе священных книг на удмуртский язык. Так, например, в основе Евангелии (Казань, 1847) лежит сарапульское наречие удмуртского языка. Однако переводчик не ограничивался с этим. Он после основной леммы в скобках указал синонимичные слова глазовского диалекта (см. Ившин 2003а, 10). Подобное мы наблюдаем и в переводах Евангелий и Азбуки. Хотя они написаны на глазовском наречии, тем не менее содержат в себе как севернoudмуртские, так и южнoudмуртские и бесермянские диалектные явления (см. Ившин 2003, 12).

2. Здесь и далее значения слов взяты из *Марийско-русского словаря* (Йошкар-Ола, 1991).

оксам погошо-шамычон (1874, 45), где *мытарь-шамыч* ‘мытари’, а *йозак оксам погошо-шамыч* ‘собиратели податей’, *Юмын эргы*, *Христос* (1884 I, 320), где *юмо* ‘бог’, *эрге* ‘сын’, а *Христос* ‘Христос’, *Йумын книга*, *Священное писание* (1912, 24), где *юмо* ‘бог’, а *книга* ‘книга’ – родительный падеж; *сулукум*, *осалом*, где *сулык* ‘грех’, а *осал* ‘злой; зло; вредный; вредно; вред; плохой’, *псаломам*, *юмом моктэма муром* (1874, 41, 61), где *псалом* ‘тж’, а *юмо моктыммо муро* досл. ‘песня, восхваляющая бога’, *вимат*, *куатымат*, где *вий* ‘сила’, а *куат* ‘сила, мощь’, *шулуком*, *тазалыкым* (1885, 54, 222), где *шулык* Г ‘здоровье’, а *тазалык* ‘тж’, *инанымашым*, *вграм* (1912, 62), где *инанымаш* ‘вера’, *вера* ‘тж’ – винительный падеж; *осалдэак*, *тытакдэак* (1885, 116), где *осал* ‘злой; зло; вредный; вредно; вред; плохой’, а *титак* ‘вина, ошибка, проступок’ – лишительный падеж; *тамыкышто*, *адышто*, где *тамык* ‘ад, адский’, а *ад* ‘тж’, *картиньшто*, *шорэштошто*, где *картина*, *сүрет* ‘картина’ (1884 I, 15), *пасушто*, *нурышто*, где *пасу*, *нур* ‘поле’, *пещерышто*, *рок виташте*, где *пещера* ‘тж’, а *рок вўта* досл. ‘земляной хлев’ (1884 II, 14, 35, 127) – местный падеж; *пычкемышка* (ср. *пычкемышышке*), *тамыкашка*, где *пычкемыш* ‘темный; темно; темнота, тьма, мрак, потемки; темный, невежественный, темнота, невежество’, а *тамык* ‘ад, адский’, *тамукышка*, *киаматшка* (1874, 53, 18), где *тамык* ‘ад, адский’, а *киамат* ‘(в религиозно-мистических представлениях) загробный мир’, *тўрмаш*, *казэматыш* (1912, 28), где *тўрма* ‘тж’, *каземат* ‘тж’ – направительный падеж; *пасуэиш*, *нуреш* (1874, 9), где *пасу*, *нур* ‘поле’, *очынэиш*, *шоякеш* (1891, 71), где *очыниеш* ‘напрасно, впустую’, а *шояк* ‘ложь; ложный, лживый; вымысел; вымышленный; лгун, врун, лжец’ – обстоятельственный падеж;

- б) имя прилагательное: *виан*, *куатан*, где *виан* ‘сильный, мощный’, а *куатан* ‘сильный, могучий; мощный; крепкий (о напитке)’, *черлы*, *туй* (1874, 13, 58), где *черле* ‘больной’, а *туйо* ‘больной, хворый; худой; пустой, тощий (о зерне)’, *сулукан*, *языкан* (1884 I, 15) ‘грешный’, *яндар*, *эре* (1884 II, 208) ‘чистый’, *рыскалан*, *пиалан* ‘счастливый’, *виан*, *талы* (1912, 23, 43), где *виан* ‘сильный, мощный’, а *тале* ‘смелый; шустрый, быстрый, расторопный’;
- в) наречие: *яндаран*, *эрен*, где *яндарын*, *эрен* ‘ясно, чисто’, *чынак*, *лачак* (1874, 5, 6), где *чынак* ‘действительно, истинно, в самом деле, вправду’, а *лач* (-ак) ‘точно, как раз, в пору’, *шытак*, *шолып* (1891, 189), где *шытак* ‘тихо, спокойно, смиренно; молча; втайком, втихомолку; изподтишка’, а *шолып* ‘тайно, скрыто’, *содор*, *вашкэ*, где *содор* ‘скоро, поспешно, опрометью’, а *вашке* ‘скоро, вскоре; спешно, поспешно’, *кэнэта*, *трук* (1912, 25, 64), где *кенета*, *трук* ‘вдруг, внезапно’;
- г) глагол: *йыбырташет*, *куанашет*, где *йывырташ* ‘радоваться, обрадоваться, порадоваться кому-чему-л.’, а *куанаш* ‘радоваться, обрадоваться, порадоваться кому-чему-л.; восхищаться, восхититься, восторгаться кем-чем-л.’, *жаплаш*, *шотлаш*, где *жаплаш* ‘уважать

кого-что-л.’, а *шотлаш* ‘считать, счесть; признавать, признать что-л.; считать кого-л. кем-л.; почитать кого-что-л. кем-л.; ставить во что-л., считаться с кем-чем-л.’, *кырэт, шіат* (1874, 3, 42, 65), где *кыраш* ‘колотить, поколотить, бить, побить кого-л.; набивать, набить, наколачивать, наколотить чего-л.; стучать, постучать, бить во что-л.; бить, забить (крыльями); звонить, позвонить в колокол; давать (дать) сигнал (ударами); биться (о сердце); молотить что-л.; хлестать, отхлестать кого-л.’, а *шияш* ‘молотить, обмолачивать, обмолотить что-л.; бить, побить кого-что-л.’, *шорташ, маграш*, где *шорташ* ‘плакать’, а *магыраш* ‘реветь’, *тояш, шылташ* (1884 II, 106, 20), где *тояш* ‘прятать, спрятать, скрывать, скрыть, утаивать, утаить; хоронить’, а *шылташ* ‘прятать, спрятать, скрывать, скрыть кого-что-л.; маскировать, замаскировать что-л.; утаивать, утаить что-л.’;

- д) причастие: *шюдомым, кюштомом* (1884 II, 131), где *шүдымө, күштымө* ‘приглашенный, запрошенный, заказанный’, *йылкындарыше, алгаштарыше*, где *йылкындарыше* ‘манящий, волнующий’, а *алгаштарыше* ‘соблазнитель, обольститель, развратитель’, *возалтмом, сирялтмом* (1885, 40, 116), где *возалтме, сералтме* ‘написанный’.

Единичные синонимичные пары встречаются в послелогое, ср., например: *шю мартэ (тангень)* (1884 I, 24) ‘до шен’, совр. мар. *шүй марте, шүй дангыт* ‘тж’. К послелогоу *деч посна* ‘без’ синонимией выступает абессивная форма с суффиксом *-де*, например: *осалдэак, тытакдэак* (1885, 116) ‘без вины’ – ср. *осал (титак) деч посна* ‘тж’, где *осал* ‘злой, зло; вредный; вредно; вред, плохой’, а *титак* ‘вина, ошибка, проступок’.

Если доминантом выступает лексическая единица родного говора переводчика, то он после этого слова дает ее другой диалектный вариант. Вариативность слов обнаруживается главным образом между луговым и восточным наречием марийского языка, ср., например: *окна (төрза) янак* ‘оконный косяк’ (1891, 63), *возалтмом, сирялтмом* (1885, 116) ‘написанное’, *возен, сирен* (1874, 10) ‘писал, написал’, *илиж, трлэн* (1874, 47), *илижь, трлэн* (1885, 138), где *ылыжааш* ‘оживать, ожить’, а *тырлаш* ‘поправляться, поправиться, выздоравливать, выздороветь’, *ял, аул* (1874, 47; 1891, 229) ‘деревня’, *кумал, удал* (1884 I, 12), где *кумалаш* ‘молиться, помолиться; молить, умолять кого-л., кланяться, поклониться кому-л.’, а *удылаш* ‘молиться, помолиться, читать молитву’, *рыскалан, тиалан* (1912, 23) ‘счастливый’ и другие. Немало примеров, где синонимию составляют моркинский и сернурский, моркинский и волжский подговоры современного марийского языка, ср., например: *шумат, кукиша кеча* (1874, 73) ‘суббота’, *төва, күкишы вэр* (1912, 22) ‘возвышенность’ – моркинско-сернурский подговор (совр. мар. *шуматкече, кукишыгече, төва (төвака), күкишө вер*); *түкылэн, суралэн* (1884 II, 312), *түкылэн, сурален* (1891, 165), где *түкылаш, суралаш* ‘закрывать, запирает’, *чынак, кэрнак* (1912, 24) ‘правда’, *яндар, эре* (1884 II, 208) ‘чистый’, *черлы, туй* (1874, 58) ‘больной’ – моркинский, волжский

подговоры (совр. мар. *тўкылен, сурален, чынак, кернак, яндар, эре, черле, туйо*). Весьма редко встречается синонимическая пара, где для лугового наречия эквивалент составляет горномарийское слово, или наоборот, ср.: *шулуком, тазалыкым* (1885, 222), где *шулык* Г тазалык ‘здоровье’, *тўчен, патькен* (1891, 272), где *чўчаиш, патькаиш* Г ‘капать’ и некоторые другие.

В корпусе текста если доминантой выступает одна лексема, то в другом предложении она может использоваться как дублетное слово, ср., например: *виан, куатан* ‘сильный, мощный’ – ср. *куатиша, вижа* ‘его сила, мощь’ (1874, 13, 5), *кернак, чынак* ‘правильно’ – *чынак, кернак* ‘тж’ (1884 II, 200). Переводчики хорошо знали лексическое богатство родного языка и по мере возможности отражали его в своих произведениях. Пытаясь отходить от тавтологии, они приводили другой эквивалент, тем самым обогащали синонимический ряд данной лексемы, ср., например: *лачак, чынак* ‘правильно, точно’ – *чынак, кернак* ‘тж’, *чынак, лачак* ‘тж’ (1874, 76, 18, 6), *чынак, лачак* ‘правильно, точно’ *чынак, кернак* ‘тж’ (1891, 183, 200), *пычке-мешка, тамукаишка* ‘в темноту, в ад’ – *тамукышка, киаматаишка* ‘в ад’ (1874, 53, 18) – ср. также: *пычкемышко, тамыкышко* (1891, 258), *тамыкышто, адышто* ‘в аду’ (1884 I, 15), *язык, сулык* ‘грех’ – *сулукам, осалом* ‘грех, дурное, плохое’ (1874, 7, 41). Авторы по разному приводили варианты лексических единиц, отличие наблюдается даже и в морфемном оформлении, ср.: *сулык, языкан* (1884 II, 201) ‘грех, грешный’, *сулукан, языкан* (1884 I, 15) ‘грешный’, *вимат, куатымат* ‘и силу, и мощь’, *языком, сулуком* (1885, 54, 219) ‘грех’, *виан, талы* (1912, 43) ‘сильный’. В лексемах *кудалтоза, шуда* (1891, 258) ‘бросайте, кидайте’ выделяются лексическая синонимия (ср.: *кудалтаиш, шуаиш* ‘бросать, кидать’) и синонимия на уровне морфемы (где суффиксы *-за, -да* образуют повелительное наклонение множественного числа; последний характерен для волжского, уржумского говорам марийского языка). В паре *куаныш, пиал* (1912, 9) ‘радость, счастье’ первую лексическую единицу можно квалифицировать как искусственно созданное слово, так как в марийском языке в данном контексте оно не встречается, ср.: *куан* ‘радость’, а *куаныш* ‘радовался’ имперфектная форма глагола.

Можно выделить такие вариации, где стержневому слову соответствует лексема, которая в настоящее время входит в группу так называемых редких и забытых слов, ср., например: *рвеза, ожа*, где *рвезе* ‘парень, юноша; молодой, юный; молодость’, а *ожа* (лит. *озак*) ‘холостой, неженатый’, *погы, порлык* (1874, 50, 35) ‘имущество’, *кредалмашым, вурсум*, где *кредалмаш* ‘драка; борьба; сражение, бой’, а *вурсо* уст. ‘война’, *вуй-лыкшо, начальникшо* (1884 I, 9, 147) ‘начальник’, *тарзыжым, йалчыжым*³ (1912, 43), где *тарзе* ‘наемный работник, батрак’, а *ялче* ‘батрак, работник’, *тўчен, патькен* (1891, 272), где *чўчаиш* ‘капать’, *патькаиш* Г ‘тж’. В современном литературном языке лексические единицы *озак, порлык, вурсо, вуй-лык, ялче, патькаиш* не употребляются, вышли из активного употребления.

3. В рассматриваемых текстах нигде не встречается лексема *нўгар* ‘батрак, работник, раб’. В письменных источниках XVIII–XIX веков она часто употребляется в форме *нюгар* [нюгарь (ф. 2013, оп. 602-а, № 186; № 218, № 197/1) ‘слуга’, *нюгарь* (л.) ‘служанка, раба, рабыня’ (№ 1420), *нюгар* ‘кул, раба, раб’ (№ 1775), *нюгарь* ‘раб, слуга, раба’ (№ 1360)] (см. Сергеев 2002, 170; 2003, 438).

В других текстах наоборот аналогичные лексемы фигурируют в качестве опорного слова, а их эквиваленты, являющиеся в настоящее время нормированными, даны в синонимический ряд, ср., например: *йалчыже, тарзе* 'наемный работник, батрак', *шулуком, тазалыкым* 'здоровье', *копшылык, кугешнымаш* 'гордость', *насыл, тукум* 'поколение', *ашакажо, шапшак*, где *ашака* 'скверный, мерзкий, гадкий', а *шапшак* 'грязный, грязнуля', *исоп, изиш* (1885, 40, 222, 12) 'мало', *шюре, бавш* (орф. *вапш*) (1891, 229) 'сеть (рыбная), намет'. Лексемы *озак, вурсо, тарзе, ялче* с пометой *уст.*, глоссарии *шулык, патькаш, копшылык, насыл* с ограничительной пометой *В* и *Г* (ср.: *шулык* Г 'здоровье', *патькаш* Г 'капать', *копшылык* В 'шегольство, франтовство', *насыл* В 'потомство' (МРС 1991, 427, 240, 128, 204) нашли место в двуязычном словаре марийского языка, а лексические единицы, как *порлык, вуйлык, ашака, исоп, шюре* не включены в Марийско-русский словарь (МРС 1991) последнего издания. Однако лексемы *вуйлык* с лексической пометой *диал.* и *ашака* фигурируют в словаре толкового типа, ср.: *вуйлык* диал. 'глава, главарь, руководитель, вожак' (СМЯ 1990, 305), *ашака* 'скверный, мерзкий, гадкий; скверность, мерзость, гадость' (СМЯ 1990, 123). К сожалению, лексемы *порлык, исоп* остались не включенными и в десяти томный полный «Словарь марийского языка». Что касается слова *шюре* (орф. *шюре*) 'сеть (рыболовная), намет', то оно отражено в толковом словаре, см.: *шюре* I, Г. *шире* '1.борона. 2. в поз. опр. бороны; связанный с бороной, относящийся к бороне; *шюре* II. диал. сито, цедилка; *шюре* III. зоол. трутень; самец в пчелиной семье' (СМЯ 2004, 421). К сожалению, в значении 'сеть (рыболовная), намет, бредень' оно не зафиксировано. В вариации *йозаком, люм оксам* (1884 II, 207) 'дань' (орф. *йозакым, лум оксам*) обе лексемы являются архаизмами.

В отдельных переводных текстах синонимом для марийского слова выступает заимствованная лексика из русского языка, ср., например: *йошкар, багряница* (1874, 68), где *йошкар (-ге)* 'красный', *эн, самой* 'самый', *кэ-нэта, трук* 'вдруг, неожиданно', *ир, пуста*, где *ир* 'дикий', *пуста* 'пустой' (1912, 62, 64), *жап, время*, где *жап* 'время', *сокор, слъпой* (1884 II:12, 29), где *сокыр* 'слепой' (к синонимам *сокыр, слъпой* в тексте также встречается эквивалент *шынчадэмо*, где *шинчадыме* 'без глаз' – образована антонимичная пара к слову *шинча* 'глаз, глаза') (С. 29), или где производящие основы представляют заимствования и плюс марийский аффикс: *вуртак, друкак* (1874, 95) 'вдруг', *табыжа, колодецжо* (1884 II, 203) 'его колодец', *сугыньжом, благословеніяжым* 'благословение', *орын, чудэен* 'удивлен', *ишташ, строяш*, где *ишташ* 'делать', *стройкаш* 'строить', *табыжо, колодецжо* 'его колодец' (1891, 30, 160, 171, 203), *инанымашым, втрам* 'вера'. Имеются случаи, где в качестве доминанта переводчиками даны русизмы, ср., например: *рѣка, энерь; вор, толэн коштиа*⁴; *благословитлэжа, сай мутэм калесыжа; мытарь-шамычон, йозак оксам погошо-шамычын;*

4. Лексическая единица *шоло* 'вор', активно употребляющаяся в рукописных памятниках XVIII века (см. Сергеев 2003, 92, также 2000, 97; 2002, 131), к этому времени, получается, уже перешла в группу забытых слов.

господин, оза (1874, 15, 43, 44, 45, 57), *картинышто, шорэштошто*, где *сўретыште* ‘на картине, на рисунке’, *господи, юмо*, где *юмо* ‘бог’, *рѣка, вюд*, где *вўд* ‘вода’, *пуста, ирь*, где *ир* ‘дикий’, *пещерышто, рок виташто*, где *рок вўташте* досл. ‘в земляном хлеве’ (1884 I, 15, 24, 78, 121, 127), *салтак, саржы*, где *сарзе* ‘солдат, воин’ (1891, 257). В иных словосочетаниях параллельно выступают руссиеведческая лексика и лексема марийского языка, например: *проклять ли, каргомы ли* (1891, 11, 9) ‘будь проклят’. Как видно, в третьей четверти XIX века заимствованная лексика, активно употребляющаяся в разговорном языке, не чувствуя особых преград, перешла в письменный язык. Встречаются лексические пары, где оба слова являются заимствованиями из русского языка, например: *преторишка, канторишка* (1874, 69) ‘в преторию, в кантору’, *закондэмо, язычник*, где *закондымо* ‘не соблюдающий закон’ (1884 I, 25), *тўрмаш, казэматыш* (1912, 28) ‘в тюрьму, в каземат’. Такая вариация встречается довольно редко. Сочетания слов, образованные от заимствованных и марийских лексических единиц, также могут оформляться как синонимическая пара, например: *крэстэктэн улут, тўнэшка пуртуктэн улут* ‘крестили’, *драхмажа, полушка оксажа*⁵, где *драхма* ‘1) серебряная и золотая монета в древней Греции, а также денежная единица в современной Греции; 2) единица аптекарского веса, равная 3,73 грамма’ (см. СРЯ 1978, 165), *полушка* ‘в старину: мелкая медная монета в четверть копейки’ (СРЯ 1978, 512), а *окса* ‘деньги’ (1874, 13, 38), *святой эрыктымашко, кресталташ*, где *святой эрыктымашке* ‘в святое очищение’, *кресталташ* ‘крестить’ (1885, 38).

Отдельные слова, приводимые в качестве синонима в религиозно-нравственных книгах, не всегда близки или тождественны по значению, ср., например: *йынжа, йалчыжа*, где *енг* ‘человек’, *же* – притяжательный суффикс 3 л., едч., а *ялче* ‘батрак, работник’, *же* – притяжательный суффикс; *чап, тау* (1874, 26, 8), где *чап* ‘слава’, а *тау* ‘спасибо’; *кугу, чапла* (1874, 43), где *кугу* ‘большой’, а *чапле* ‘красивый, хороший, славный’; *чаражы, вожылмашыжо* (1884 II, 16), где *чара* ‘голый, нагой’, а *вожылмаш* ‘стыд, срам, позор; застенчивость, стеснение’; *каласэн, удолын* (1884 I, 24), где *каласаш* ‘сказать, рассказывать, высказать, сообщить, передать что-л.’, а *удылаш* ‘молиться, помолиться, читать молитву’ и некоторые другие. Это же можно констатировать и о синонимической паре *шырча, вол* [см.: *шырчышка, волашка* (1874, 8) ‘в ясли, в корыто’, *шырчышко, волашко* (1891, 185) ‘тж’, где *шырча* ‘ясли (для скота)’ (МРС 1991, 442), а *вол* ‘1) колода для водопоя; 2) корыто из выдолбленного бревна’ (МРС 1991, 45)], ср. также: *ясли (кормушка для скота)* ‘шерча, ясла’ (МРС 1966, 848); *шерча* ‘ясли (вольык пукшаш пырдыж воктен сакыме решетка)’ (СМЯ 2004, 109–110); *ясла*, Г. *ййшлӓ* ‘ясли; кормушка для скота (вольык пукшаш пырдыж воктен ыштыме решетка)’ (СМЯ 2005, 246). В рукописном словаре XVIII века, в основе которого лежат лексические особенности горного наречия марийского языка, словарная статья *ясли* дана в значении

5. В словаре М. Силаши лексическая единица *полушка окса* дана в форме *poluška oksa* (г.) ‘drachma, groschen’ (1901:172), где *Groschen* ‘грош (австрийская монета в 1/100 шиллинга)’ (см. БНРС 1969, 573).

‘яшла’ (ср. совр. Г *йәшлә*) (Сергеев 2003, 525). В то же время переводчик «Священной истории Нового Завета» (1912) правильно привел эквивалент для лексемы *шырча*, ср.: *шырчышкы, яслышкы* (1912, 9) ‘в ясли’. В современном переводе «Библии» также употребляется слово *шерча* в значении ‘ясли, кормушка для скота’ (БЛ 1998, 292), а в книге «Иисусын илышыже» (1993, 7) дано в форме *шырча* с толкованием ‘вольыклан шудо пыштыме вер’. В книге «Библий каласкала» дан фонетический вариант *шерча*⁶ с пояснением ‘ясли, кормушка для скота’ (2002, 66).

Переводчиками принята попытка переводить отдельные церковные термины или дать толкование на родном языке, ср., например: *псаломам, юмом моктэма муром; миром, тамла үпшан үм* (1874, 61, 49), *Юмын Эргы, Христось; нардовый миром, тамло үпшан үм* (1884 II, 320, 251), «*Йумын книгам*», «*Священное Писание*» (1912, 24, 29). В книге «Библийым лудына» (М., 1998) лексическая единица *Христос* переведена как *Айдеме Эрге* (С. 322), а слово *смирна* толковали как ‘пушенге гыч ыштыме үй’ (С. 302), последняя лексема в книге «Иисусын илышыже» объяснена как ‘тамле пушан, мирра пушенге гыч лукмо үй’ (1993, 13). Аналогичным образом дается толкование в книге «Библий каласкала», ср.: *смирна* – ‘пушенге гыч ыштыме үй’ (2002, 70).

Таким образом, чтобы марийская церковно-переводная литература была понятна представителям разных диалектов, переводчики осознанно вводили в текст лексические единицы из других говоров. В основном близкие и тождественные по значению слова даны рядом с главным словом в скобках, варианты отдельных лексем приводятся внизу текста в ссылках. Наиболее богато синонимы представлены в таких частях речи, как имя существительное, имя прилагательное, наречие, глагол, причастие и деепричастие. Давая варианты к тем или иным лексемам, переводчики православно-вероучительной литературы обогащали синонимический ряд данных слов, тем самым способствовали преодолению диалектных границ между словами. Многие диалектизмы того времени, приводимые в качестве варианта к стержневому слову, и в настоящее время активно входят в синонимический ряд данных слов, обогащая лексическую синонимию современного марийского литературного языка. Использование вариации на лексическом уровне было одним из путей создания единого литературного языка народа мари.

Сокращения

В	восточное наречие марийского языка	совр.	современный
Г	горное наречие марийского языка	ср.	сравни
орф.	орфографически	тж.	тоже
см.	смотри		

6. В современном орфографическом словаре марийского языка дана форма *шырча* (см. MOM 2011, 352).

Источники

- 1874 Священная история Нового Завета: На луговом-Черемисском наречии. – Издание Братства Св. Гурия. Казань: Печатано в типографии Коковиной.
- 1884 I Руш-калыкын кресталтможым ойлемо. Крещение Руси: Рассказ на луговом наречии черемисского языка. – Изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, Б. Проломная ул. соб. дом.
- 1884 II Священная история Ветхаго и Новаго Завета: На луговом наречии черемисского языка. – Изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Типография В.М. Ключникова, Бол. Проломная ул. соб. дом.
- 1885 Требник: На луговом наречии черемисского языка. – Изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Типография В.М. Ключникова.
- 1891 Священная история Ветхаго и Новаго Завета: На луговом наречии черемисского языка. – Издание второе Православного Миссионерского общества. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, Проломная ул., 1891.
- 1912 Священная история Новаго Завета: На черемисском языке. – 3-е изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Центральная типография.

Центральный государственный архив Республики Татарстан

Ф. 968, оп. 1, ед.хр. 168

«Письма Н.И. Ильминскому от Г.Я. Яковлева».

Государственный архив Нижегородской области

Ф. 2013, оп. 602-а, ед.хр. 186

Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный.

Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
(Эрмитажное собрание)

Эрм. собр. № 218

Словарь черемисского языка с российским переводом.

Отел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И. Лобачевского
Казанского государственного (федерального) университета

№ 1360 Смирнов А. Словарь черемисского языка.

№ 1420 Словарь черемисско-русский учителя духовного училища Земляницкого.

№ 1755 Смирнов А. Русско-черемисский словарь лугового наречия.

Литература

- БК 2002 = *Библий каласкала. Йоча-влаклан Библийысе ойлымаш-влак*. Хельсинки–Стокгольм: Библийым кусарыше институт.
- БЛ 1998 = *Библийым лудына. Библийысе ойлымаш-влакым сўретлен ончыктымыш*. Москва.
- БНРС 1969 = *Большой немецко-русский словарь. Т. 1 (А–К)*. Москва: Изд-во «Сов. энц-ия».
- Знаменский, П. 1892: *На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства святителя Гурия*. Казань: Типогр. Н. А. Ильяшенко.
- Ившин, Л. М. 2003: Предисловие. – *Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие* / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Л. Карпова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3).
- 2003а: Предисловие. – *Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие* / Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4).
- ИИл. 1993 = *Иисусын ылышыже*. Хельсинки: Библийым кусарыше институт.
- МОМ 2011 = *Марий орфографий мутер*. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш.
- МРС 1991 = Васильев, В. М. & Саваткова, А. А. & Учаев, З. В. *Марийско-русский словарь / Около 20000 слов. С приложением краткого грамматического очерка марийского языка*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- РМС 1966 = *Русско-марийский словарь / Около 35000 слов*. М.: Изд-во «Сов. энц-ия».
- Сергеев, О. А. 2000: *Тошто марий мутер-влак: XVIII–XIX курымласе кид дене возымо мутер-влакын йылмышит*. Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш.
- 2002: *Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков*. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.
- 2003: *Из истории отечественной лексикографии. Русско-черемисский словарь с российским переводом*. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т.
- 2005: *Язык перевода молитвы “Отче наш” на марийский язык. – История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов*. Сыктывкар. (Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН). 189–192.
- СМЯ 2004 = *Словарь марийского языка. Т. IX: Ш, Щ* / Сост.: А. А. Абрамова, Е. А. Черашова. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- СМЯ 2005 = *Словарь марийского языка. Т. X: Ы, Ъ, Э, Ю, Я* / Сост. А. А. Абрамова, И. С. Галкин, В. Н. Максимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ.
- СРЯ 1978 = Ожегов, С. И. 1978: *Словарь русского языка* / Изд. 12-ое, стереотипное, под ред. д. ф. н., проф. Н. Ю. Шведовой. М.: Изд-во «Рус. яз.».
- Rudbeck, O. 1698: *Atlantica sive Manheim, III*. Upsalae, 1698.
- Stipa, G. J. 1981: *Suomalais-syntyinen tutkija vanhimman tšeremissin kielenäytteen tallentajana. – SUSA 77*. Helsinki. 27–39.
- Szilasi, M. 1901: *Cseremisiz szótár (Vocabularium čeremissicum)*. Budapest.